

УДК 130.3:94

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-199-205

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Квятковский Дмитрий Олегович

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (Чукотский филиал)

Целью данного научного исследования является анализ концепта исторической памяти в современном научно-философском дискурсе. Современное время характеризуется возрастанием философского интереса к проблемам исторического прошлого и коллективной памяти, которые являются механизмами осмысления обществом своего прошлого, что происходит на основе intersubjective рефлексии и реализуется через феноменологическую практику. Философский дискурс обращается к проблеме исторической памяти и коллективного прошлого, связанной с именами Р. Козелека, К. Левита, Г. Блюменберга, Дж.Э. Бараша, которые малоизвестны для российских интеллектуальных кругов. Дебаты между Левитом и Блюменбергом, а также работы современных теоретиков истории философии показали сложность исторической памяти и место в нем религиозных составляющих. Серьезность дискуссии подчеркивает актуальность проблемы истории в философии как отношение исторического прошлого к коллективной памяти и, самое главное, выявляет множественность содержания и подходов к осмыслению феномена исторической памяти. Особый подход к анализу исторической памяти был сформирован и реализован в русской философии, в особенности Н. Бердяевым. Общей тенденцией в русской философии относительно философского концепта истории была идея первичности духовно-религиозного начала. Исследование позволяет выявить и осмыслить самые основные тенденции общественной жизни в ее исторической динамике.

Ключевые слова: история, современная философия, историческая память, философский дискурс, историческое прошлое, символ, религия, секуляризация.

THE PROBLEM OF HISTORICAL MEMORY IN MODERN PHILOSOPHY

Dmitriy O. Kvyatkovskiy

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (Chukotka branch)

This research work analyzes the concept of historical memory in contemporary scientific and philosophical discourse. Modern time is characterized by the increasing philosophical interest to the problems of historical past and collective memory, which are the mechanisms for the society's comprehension of its past, occurring on the basis of intersubjective reflection and implemented through phenomenological practice. The article considers the philosophical discourse regarding the problem of historical memory and collective past associated with the names of R. Koselleck, K. Löwith, H. Blumenberg, J.A. Barash, who are little known for Russian intellectual circles. The debate between Levitt and Blumenberg, as well as works by contemporary theorists of the history of philosophy showed the complexity of the phenomenon of historical memory and the place that religious components take in it. The seriousness of the discussion underlines the current significance of the problem of history in philosophy as a relation of the historical past to the collective memory, and, most importantly, reveals the plurality of content and approaches to understanding the historical memory phenomenon. A special approach to the analysis of historical memory was developed and implemented in Russian philosophy, in particular by N. Berdyaev. The general trend in Russian philosophy regarding the philosophical concept of history was the idea of the primacy of the spiritual and religious principle. The scientific research conducted allows us to identify and understand the most essential trends that take place in social life in its historical dynamics.

Keywords: history, modern philosophy, historical memory, philosophical discourse, historical past, symbol, religion, secularization.

XX век отличается особо острым интересом философской мысли к проблемам исторического прошлого и коллективной памяти. Люди всегда интересовались своим прошлым, историей, традициями, что свидетельствует о важной роли исторического сознания в жизни общества. Обращение к историческому опыту позволяет делать выводы из прошлого и легче решать новые проблемы. Но только во второй половине XX в. история и историческое прошлое как феномен в целом стали предметом глубокой философской рефлексии [1–5]. Это является актуальной задачей современности, поскольку историко-смысловой потенциал социального бытия является на сегодняшний момент еще мало изученным.

«Предмет истории — изменение общества во времени как целого. Только при таком понимании предмета история может выполнять функцию интеллектуального фундамента наук об обществе, изучающих общество с какой-то определенной стороны, а чаще рассматривающих его как набор некоторых статичных состояний. Именно поэтому проблема динамики исторического развития была и остается одной из важнейших в историческом познании. Ответ на вопрос о природе исторического времени, по сути дела, концептуальная основа для описания истории как процесса изменения общества во времени» [6, с. 255].

Целью данной работы является выделение и анализ концепта исторической памяти в современном научно-философском дискурсе. Необходимо раскрыть основные положения современной философии истории, определить содержание философского концепта исторической памяти и дать его анализ в философском дискурсе XX и XXI вв. Это позволит углубить понимание истории и подвести более широкое методологическое и эвристическое основание для всестороннего осмысления развития человеческой цивилизации.

Историческое сознание представляет собой механизм осмысления обществом своего прошлого на основе интересубъективной рефлексии, который реализуется через феноменологическую практику. Это сложный феномен, охватывающий все сферы жизни общества. Отмечается, что «историческое время протекает в рамках социального измерения семантически автономно и не зависит от хронологической смены эпох» [6, с. 264]. Если охарактеризовать сущность и содержание исторической памяти, то можно сказать, что историческая память является результатом феноменологического процесса отражения, сохранения, а затем и

воспроизведение исторического прошлого в сознании общества [7].

Рефлексируя смысл переживаний и ход событий анализируемого прошлого, феноменологически воспроизводящий субъект выявляет историческое содержание прошлых фактов на основе собственных интенциональных установок. Выдающийся философ-экзистенциалист М. Хайдеггер пишет: «Память — это собрание мыслей. Мыслей о чем? О том, что держит нас в нашей сущности постольку, поскольку мы его мыслим. В какой мере мы должны мыслить держащее нас? А в той, в какой оно испокон века является тем, что должно осмысляться. Когда мы осмысливаем его, мы одариваем его воспоминанием. Мы отдаем ему воспоминание, потому что оно желанно нам как зов нашей сущности» [8, с. 140]. Таким образом воссоздается историческая реальность прошлого события.

Современный исследователь в области истории философии Р. Козеллек связывает концепт исторической памяти с поэтическим творчеством, критикой, исторической герменевтикой и эвристикой [2]. Философ констатирует прогресс в сторону усложнения, которое выразилось в росте знаний и умений, изменении практики действий и поступков, что позволило обществу сохранить целостность и слаженность действий в ситуации изменения внешних условий его существования.

Сегодня это стало очевидным в связи с тем, что изменение общества, которое ранее могло лишь гипотетически конструироваться субъектом исторического познания, происходит очень быстро: достаточно отметить социокультурные трансформации, произошедшие на протяжении жизни трех поколений людей в XX в. «“Прогресс” стал обозначением “ускорения” истории, отражая в реальности процесс, который ранее мог только мыслиться субъектом познания» [9, с. 369].

Любая историческая эпоха социально, политически и культурно неоднородна, вследствие этого неоднородна и историческая память также. Историческая память не только актуализирована, но и очень избирательна, акцентные делаются на отдельные и очень знаковые для рефлексирующего субъекта исторические события и в рациональном, и в иррациональном аспектах. Так, известный исследователь исторического прошлого и коллективной памяти Дж.Э. Бараш выделяет особый вклад воображения в конструировании образов и идей исторической памяти [10].

«В основе моего понимания этого термина лежит феноменологическая теория, прежде всего, Э. Гуссерля, который приравнивал изначальный опыт к тому, что он называл непосредственным опытом в переживаемом в данный момент настоящем. Хотя фотографии, рисунки или описания могут актуализировать эти переживания и публично транслировать их в знаках, жестах и образах, они не заменяют уникальной способности воспоминания в его изначальном, подлинном смысле» [10, с. 84]. Здесь приходит на помощь человеческая сила воображения. «Обращение к термину “воображение” как к способу объяснения коллективной идентичности и групповой связи в широком плане в той мере, в какой они коренятся в общих воспоминаниях о коллективном прошлом, позволяет нам избежать дилеммы, которую, по-видимому, порождает понятие коллективной памяти, поскольку воображение, как способность поддержать и оживить “образ сообщества”, отнюдь не предполагает того, чем прежде всего характеризуется воспоминание о прошлом опыте, а именно, фактически непосредственного содержания воспоминания» [10, с. 86].

На основе категорий воспоминания и воображения Бараш выводит определение исторической памяти. «Под термином “историческое прошлое” я понимаю то прошлое, которое предшествует опыту любого живущего ныне индивида и не подвластно ни личному, ни групповому воспоминанию; оно, следовательно, никогда не может стать объектом воспоминания в строгом смысле слова. Оно выводится из давних воспоминаний людей, живших в другое время, и, по удачному выражению Цицерона, имеет отношение к “деяниям, находящимся за пределами нашей памяти”. Будучи отдаленным от памяти нынешних дней, историческое прошлое является в лучшем случае опосредованной или “заимствованной” памятью, которая, однако, не дана нам в виде отчетливо идентифицируемой вещи или события, просто отдаленного во времени» [11, с. 10].

Историческое прошлое фиксируется в системе символов и значений, передающихся от одного поколения к другому посредством народных фольклорных традиций, верований, обрядов, государственной символики, литературных произведений и т.д. Однако эти инструменты, хотя и являются необходимыми, однако не могут заменить собой и полноценно выразить реальность живого, непосредственного восприятия человеком исторических событий. «Литературные произведения могут указать на своеобразии исторического прошлого; задача же исторического исследования — объяснить символическую структуру, которая

придает ему более глубокое контекстуальное значение. “Реальность” исторического прошлого заключается в его трансцендентности по отношению ко всем представлениям современного мира, всем идеологическим интенциям, которые стремятся его оживить, постоянно заставляя нас переосмысливать его значение в каждом новом настоящем. Сколь бы предвзятой и неполной ни была даже самая беспристрастная попытка воссоздать следы прошлого за пределами живой памяти, ее значение отнюдь не сводится к вымыслу; она обнаруживается не только там, где способна прояснить события, предшествовавшие настоящему, но и там, где она дает нам возможность увидеть в более широкой перспективе меняющиеся горизонты настоящего» [11, с. 19].

Вторая половина XX в. ознаменовалось напряженным интересом к проблеме истории и исторического прошлого, которая нашла свое фундаментальное выражение в диспутах между Левитом и Блюменбергом.

Г. Блюменберг целенаправленно изучает проблемы философии истории и разрабатывает категорию «метафорологии». Исследование истории мышления вообще и истории философии в частности, взятое как исследование базовых для той или иной эпохи метафор, приобретает у Блюменберга не исторический, а собственно философский статус. Особое значение выдающийся современный философ отдает истории эпохи Нового времени. Кроме того, Блюменберг вводит понятие мифа при раскрытии особенностей коллективной памяти в истории. Он полагает, что человеческое мышление реализуется не только в понятиях, но и в образах и метафорах. Это приводит к выработке особой устойчивой формы — мифа, который неотделим от мышления. Блюменберг доказывает, что комплекс представлений о мифе входит в базисную основу интерпретации истории, а также раскрывает историко-политическое значение мифа [4].

В отличие от Блюменберга, К. Левит обращает внимание на религиозный аспект в содержании концепта исторической памяти. Левит дает последовательную и мощную критику всей теории истории и историософии. Его критика базируется на выявлении и осмыслении религиозно-христианской интерпретации истории в качестве процесса, который имеет внутреннюю цель и направленность. Кроме того, Левит обосновывает, что христианское мировоззрение трансформировало циклическое понимание времени в эпоху Античности, которое было ориентировано на природу, в сторону линейного и целенаправленного

представления об истории. Произошло так, что идея того, что смысл земного существования обретается в «царстве Бога», ставшая парадигмой Средневековья, определила понимание и выстраивание истории как исторического процесса, имеющую определенную конечную цель [5, 12, 13].

«Понятие философия истории означает систематическую интерпретацию истории мира в соответствии с неким руководящим принципом, который помогает установить связь между историческими событиями и их последствиями и возвести их к высшему значению. Это означает, что вся философия истории становится всецело зависимой от богословия, или, иными словами, от богословской интерпретации истории как истории спасения» [14, с. 21]. Религиозная секуляризация, по мнению Левита, внутренне создает иллюзию «правильности» логики движения истории и переходит в плоскость политической практики, тем самым создавая разнообразные политические последствия. Так, политические концепции марксизма и фашизма возникли, по мнению К. Левита, как следствие секуляризации традиции христианской теологии, которая поместила человека в центр мира [5].

Русская философия по отношению к концепту исторической памяти, напротив, придерживается религиозных позиций. «Русская мысль, — пишет Н. Бердяев, — в течении XX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Построение религиозной философии истории есть, по-видимому, призвание русской философской мысли. Самобытная русская мысль обращена к эсхатологической проблеме конца, она окрашена апокалипсически. В этом отличие ее от мысли Запада» [15, с. 84].

Так, особенности мессианского мировоззрения и метафизики Ф. Достоевского, выраженные в его художественном и эпистолярном творчестве, философских работах, публичных высказываниях оказали широкое влияние на русскую философскую мысль и в особенности на развитие философских течений западников и славянофилов, которые с различных позиций определяли значение и место истории русского развития в контексте мировых исторических систем.

Безусловно, идейное достояние русской религиозной философии по исторической проблеме являет собой некую оппозицию историко-философской концепции К. Левита в том аспекте, что обосновывает положительное значение теологического влияния на историю. И если Левит считал, что современный историзм, пропитанный ре-

лигиозной секуляризацией, показывает окончательный разрыв между историей человека и природой, то Бердяев доказывал благостное и положительное значение религиозного опыта для истории. Выдающийся русский философ пишет, что «истинная философия истории есть философия победы истинной жизни над смертью, есть приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией. Если бы для индивидуального человека не существовало путей приобщения к опыту истории, то как жалок, пуст и смертен по всему своему содержанию был бы человек!» [15, с. 72].

Русская религиозная философия обосновывает идею о том, что наличие конечной религиозной цели придает смысл истории, создавая из хаотической социальной энтропии систему стойких и упорядоченных исторических фактов и, таким образом, делает историю историей. Кроме того, Бердяев с историей напрямую связывает футурологию как теоретический поиск модели конечного историко-культурного состояния общества и человека. Безусловно, в рамках футурологической картины будущего мира формируется своя политическая система, что снова возвращает нас к проблеме взаимосвязи религии с политикой, которую блестяще раскрыл Левит.

Раскрытие проблематики философии истории Н. Бердяевым репрезентируется в нескольких плоскостях. Первая плоскость непосредственно связана с социально-философской концепцией Бердяева, который определял историческую память народа через категорию «общего-единства» и связывал с тенденциями идентичности. Во второй плоскости раскрываются бердяевские идеи исторического мессианства, где философ показывал историческое прошлое России и русскую коллективную память в качестве оригинального самовыражения и самообоснования уникального русского пути, имеющего особый мессианский смысл.

Любопытно, что Бердяев вышел за рамки спора западников и славянофилов, которым обычно ограничивалась русская философия истории, и отмечал особое мессианство советского периода истории русского народа, а также двойственный характер русского коммунизма [16, 17].

Следующая плоскость содержит оригинальные религиозные взгляды Бердяева, также внутренне ориентированные на футурологические и эсхатологические смыслы. Здесь очень важно отметить, что он впервые дает конкретное определение понятия коллективной памяти. По Бердяеву, историческая память есть «духовная активность, как

некоторое определенное духовное отношение к “историческому” в историческом познании, которое оказывается внутренне, духовно преображенным и одухотворенным... В известном смысле историческая память, — пишет Бердяев, — объявляет жесточайшую борьбу вечности с временем, и философия истории всегда свидетельствует о величайших победах вечности над временем. Она говорит о победе нетленности... Историческое познание и философия направлены, в сущности, не на эмпирическое, — они имеют своим объектом загробное существование» [15, с. 39].

Концепт исторической памяти занимает важное место в бердяевской философии истории, построенной на религиозных идеях теодицеи и апокалипсиса. В данной статье я хотел бы закрепить тезис о том, что Н. Бердяев выводит содержание исторической памяти из диалектического взаимодействия категорий времени и вечности [18, 19]. Время формирует конкретную единичную индивидуальную память человека. Историческая память больше связана с вечностью, а вечность в свою очередь связана с Богом [15]. Таким образом в философии истории Бердяева происходит переход к религиозной онтологии и метафизики божественного творения.

Н. Бердяев полагал, что историческая память является отображением вечности в истории во внутренней плоскости, связанной с онтологическим творением истории. На внешнем уровне исторических событий проявляется социально-политический и национально-мессианский ракурс мировой истории. Движущей силой развертывания мирового исторического процесса является диалектика времени и вечности, которая происходит во внутренней (историко-эсхатологической) и внешней (историко-социальной) плоскостях. Во внутренней плоскости, согласно взглядам русского философа, историческая память связана с категориями времени, вечности и Бога. Во внешней плоскости историческая память конкретно проявляется в истории народов, которые Бердяев понимает в качестве взаимодействия отдельных самодостаточных национальных исторических систем [15–17].

Итак, можно сделать вывод, что отдельное место в современном социально-философском дискурсе занимает проблематика философии истории, а также концепт исторической памяти, который на данный момент остается малоизученным в российской научной литературе. Философский дискурс относительно феноменов истории и коллективной исторической памяти, предельное выражение которого проявилось в идейных дебатах

между К. Левитом и Г. Блюменбергом, а также в работах Н. Бердяева, Р. Козелека, Дж.Э. Бараша, показал разноаспектность явления исторической памяти и важное место в нем религиозных составляющих. Серьезность их дискуссии подчеркивает актуальность проблемы истории в философии как отношение исторического прошлого к коллективной памяти, и, самое главное, выявляет богатство содержания и разнообразие подходов к осмыслению феномена исторической памяти. Особый подход к анализу исторической памяти был сформирован и реализован в русской философии, в особенности Н. Бердяевым. Общей тенденцией в русской философии относительно философского концепта истории была идея первичности духовно-религиозного начала.

Список литературы

1. *Рикер П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
2. *Koselleck R.* The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts (Cultural Memory in the Present) / trans. by T.S. Presner. Stanford: Stanford University Press, 2002. 363 p.
3. *Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time. N.Y.: Columbia University Press, 2004. 344 p.
4. *Blumenberg H.* The Legitimacy of the Modern Age. Cambridge: The MIT Press, 1985. 728 p.
5. *Lowith K.* Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1957. 266 p.
6. *Калимонов И.К., Байтеева М.В.* Понятие «Историческое время» и творчество историка: взгляды П. Рикера и Р. Козелека // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 152, кн. 3. С. 255–266.
7. *Barash J.A.* Martin Heidegger and the Problem of Historical Meaning. N.Y.: Fordham University Press, 2003. 286 p.
8. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. 192 с.
9. *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989. 378 S.
10. *Бараш Дж.Э.* О воображении и месте коллективной памяти в общественной сфере // Социум: Философские науки. 2011. № 2. С. 83–96.
11. *Бараш Дж.Э.* Зачем помнить историческое прошлое? Размышления об историческом скептицизме // Философский журнал. 2011. № 1. С. 10–19.
12. *Квятковский Д.О.* Особенности гуманистического идеала в философии Древнего Мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 3. С. 73–81.

13. Квятковский Д.О. Гуманистический идеал: ценностный аспект (социально-философский анализ): монография. М.: Логос, 2014. 132 с.
14. Lowith K. Histoire et Salut. Les présupposés théologiques de la philosophie de l'histoire. Paris: Gallimard, 2002. 285 p.
15. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 174 с.
16. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.
17. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
18. Квятковский Д.О. Особенности социальной философии Н. Бердяева // Вестник Омского университета. 2015. № 3(77). С. 95–98.
19. Квятковский Д.О. Онтологические основы в философии экзистенциализма // Вестник Омского университета. 2016. № 1. С. 63–67.
9. Kosellek R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten* [Future Past: On the Semantics of Historical Time]. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag Publ., 1989, 378 p. (In German).
10. Barash J.A. *O voobrazhenii i meste kollektivnoy pamyati v obschestvennoy sfere* [Imagination and the Place of Collective Memory in the Public Sphere]. *Sotsium: Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2011, no. 2, pp. 83–96. (In Russian).
11. Barash J.A. *Zachem pomnit' istoricheskoe proshloe? Razmyshleniya ob istoricheskom skeptitsizme* [Why Remember the Historical Past?]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. 2011, no. 1, pp. 10–19. (In Russian).
12. Kvyatkovskiy D.O. *Osobennosti gumanisticheskogo ideala v filosofii Drevnego Mira* [Features of Humanistic Ideal in the Ancient Philosophy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2015, no. 3, pp. 73–81. (In Russian).
13. Kvyatkovskiy D.O. *Gumanisticheskiy ideal: tsennostnyy aspekt (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Humanistic Ideal: the Value Aspect (Socio-Philosophical Analysis)]. Moscow, Logos Publ., 2014, 132 p. (In Russian).
14. Lowith K. *Histoire et Salut. Les présupposés théologiques de la philosophie de l'histoire* [Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History]. Paris, Gallimard Publ., 2002, 285 p. (In French).
15. Berdyayev N.A. *Smysl istorii* [Meaning of History]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 174 p. (In Russian).
16. Berdyayev N.A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990, 346 p. (In Russian).
17. Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Foundations and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 224 p. (In Russian).
18. Kvyatkovskiy D.O. *Osobennosti sotsial'noy filosofii N. Berdyayeva* [Features of Social Philosophy of N. Berdyayev]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. 2015, no. 3(77), pp. 95–98. (In Russian).
19. Kvyatkovskiy D.O. *Ontologicheskie osnovy v filosofii ekzistentsializma* [Ontological Foundation in the Philosophy of Existentialism]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University]. 2016, no. 1, pp. 63–67. (In Russian).

Получено 23.12.2016

References

1. Ricoeur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Forgetting]. Moscow, Gumanitarnaya Literatura Publ., 2004, 728 p. (In Russian).
2. Kosellek R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts (Cultural Memory in the Present)*. Stanford, Stanford University Press, 2002, 363 p. (In English).
3. Kosellek R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York, Columbia University Press, 2004. 344 p. (In English).
4. Blumenberg H. *The Legitimacy of the Modern Age*. Cambridge, The MIT Press, 1985, 728 p. (In English).
5. Lowith K. *Meaning in History: The Theological Implications of the Philosophy of History*. Chicago, University of Chicago Press, 1957, 266 p. (In English).
6. Kalimonov I.K., Bayteeva M.V. *Ponyatie «Istoricheskoe vremya» i tvorchestvo istorika: vzglyady P. Rikera i R. Kozelleka* [The «Historical Time» Concept and the Creativity of a Historian: Views of P. Ricoeur and R. Kosellek]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of the Kazan University: Humanities]. 2011, vol. 153, book 3, pp. 255–266. (In Russian).
7. Barash J.A. *Martin Heidegger and the Problem of Historical Meaning*. New York, Fordham University Press, 2003, 286 p. (In English).
8. Heidegger M. *Razgovor na proselochnoy doroge* [Off the Beaten Track]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, 192 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 23.12.2016

Об авторе

Квятковский Дмитрий Олегович

доктор философских наук,
профессор кафедры общих дисциплин

Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова (Чукотский филиал),
689000, Чукотский АО, Анадырь,
ул. Студенческая, 3;
e-mail: d_o_k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8065-9731

About the author

Kvyatkovskiy Dmitriy Olegovich

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of General Disciplines

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
(Chukotka branch),
3, Studencheskaya str., Anadyr,
Chukotka Autonomous Okrug, 689000, Russia;
e-mail: d_o_k@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8065-9731

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Квятковский Д.О. Проблема исторической памяти в современной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 2. С. 199–205. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-199-205

Please cite this article in English as:

Kvyatkovskiy D.O. The problem of historical memory in modern philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 2. P. 199–205. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-199-205